

Выслушав Люй Ишуя, Чэнь Цзыму уже смог мысленно составить образ юноши Вэй Яня, и в его глазах невольно появилась легкая улыбка. Ли Ту, который все это время наблюдал за ними, почувствовал еще большее раздражение.

Неужели Люй Ишуй тоже заинтересовался этим мужчиной по имени Чэнь Цзыму?

Казалось, именно после того, как он рассказал Люй Ишуй о Чэнь Цзыму, его отношение изменилось. Если бы это было раньше, когда они сидели за столом, Люй Ишуй непременно уделял бы внимание ему, а не как сейчас, когда он оставил его в стороне, увлеченно беседуя с другим.

Даже если Ли Ту и не мог признать достоинств Чэнь Цзыму, он не мог отрицать, что тот действительно был красив. Сидя среди грубых воинов в столовой, он казался особенно нежным. Но в его сердце Люй Ишуй никогда не был таким поверхностным человеком, чтобы так легко потерять голову.

Чем больше Ли Ту думал об этом, тем больше ему становилось обидно, и его неприязнь к Чэнь Цзыму только усиливалась.

Он даже не заметил, что раньше, когда узнал, что Вэй Янь испытывает чувства к Чэнь Цзыму, он больше был поражен, чем сейчас, когда понял, что Люй Ишуй тоже может быть увлечен им. Гнев и ревность, которые он сейчас испытывал, уже затмили все остальные чувства, включая те, что он когда-то испытывал к Люй Ишуй.

Прежде чем Ли Ту успел придумать, как разлучить двоих, Вэй Янь вернулся в столовую, и непринужденная беседа Люй Ишуя и Чэнь Цзыму естественно прекратилась. По знаку Вэй Яня все за столом начали есть.

В этих холодных пограничных землях еда, сваренная в большом котле, уже почти остыла. Алкоголя не было, и чай в чайнике тоже давно остыл, но никто не обращал на это внимания.

Все наслаждались моментом встречи, даже сухой паек, поданный как основное блюдо, казался вкусным. Снаружи слышались радостные крики солдат, празднующих в палатках. Люди чокались чашками с чаем, обнимали друг друга и желали счастья.

Условия здесь были простыми, и новогодний ужин был далек от изысканности дворцовых пиров, но для Чэнь Цзыму этот праздник был самым веселым из всех, что он когда-либо переживал.

После ужина Вэй Янь собирался сразу же отвести всех обратно в палатки, но Чэнь Цзыму потянул его за рукав:

— Можешь сводить меня прогуляться? Кажется, много лет я не чувствовал атмосферу кануна Нового года.

Вэй Янь удивился:

— В вашей семье даже этому не придают значения?

Чэнь Цзыму покачал головой:

— Они могут шуметь как угодно, но внешние приличия, конечно, соблюдают. Только я из-за здоровья обычно не присоединяюсь к ним. Чаще всего просят кухню просто собрать еду и

принести в спальню.

В этот день он обычно отпускал слуг, чтобы они могли провести время с семьями. Поэтому Новый год, которого ждут все, для него был просто ужином в одиночестве, без особого значения.

Вэй Янь, представив эту картину, почувствовал, как сердце сжалось. Сколько же таких дней пережил Чэнь Цзыму? За этим спокойным описанием скрывались долгие ночи одиночества.

Сорвалось с языка:

— С этого года каждый Новый год я буду проводить вместе с тобой.

Чэнь Цзыму сначала удивился, но быстро оправился и улыбнулся:

— Хорошо.

Хотя он согласился, но сделал это слишком легко и естественно. Вэй Янь предположил, что он не поверил ему, поэтому подошел к нему и, глядя в глаза, серьезно произнес:

— Я буду проводить с тобой каждый Новый год.

На этот раз Чэнь Цзыму долго молчал, не соглашаясь и не опровергая. Вэй Янь не обратил на это внимания, убрал растрепанные ветром волосы Чэнь Цзыму за ухо:

— Пойдем, я покажу тебе лагерь.

Лагерь был большим, и Вэй Янь повел Чэнь Цзыму в сторону учебного плаца, где уже собралось много солдат. Над их головами медленно поднимались небесные фонарики.

Говорят, что небесные фонарики изначально использовались для передачи военных сообщений, но с появлением новых технологий этот древний способ связи постепенно вышел из употребления, превратившись в народный способ загадывания желаний.

Множество оранжевых огоньков поднимались в небо, освещая ночь и сливаясь со звездами, создавая уникальный пейзаж на этой пустынной земле.

Хотя Чэнь Цзыму и слышал о традиции загадывания желаний с помощью небесных фонариков, он впервые видел такую величественную картину.

Когда они подошли ближе, солдаты заметили их и остановились, чтобы поприветствовать. Вэй Янь кратко поздоровался и объяснил Чэнь Цзыму:

— Несколько дней назад Ли Ту, находясь в городе Чаньюй, случайно встретил старика, продающего небесные фонарики. Тот был уже в годах и владел только этим ремеслом, но ждал, что деньги от продажи фонариков помогут вылечить его жену. Услышав это, Ли Ту купил все фонарики.

— Не ожидал, что генерал Ли обладает такой добротой.

— А Ту неплохой человек, просто он мыслит слишком прямо, и все его эмоции видны на лице.

— Вэй Янь также знал, что в тот день Ли Ту слишком явно выразил свою неприязнь, и умный Чэнь Цзыму, конечно, это заметил. Поэтому он воспользовался моментом, чтобы немного объяснить ситуацию, а затем спросил. — Давай тоже напишем желание на фонарике? У тебя

есть какое-нибудь желание?

— Желание... — Чэнь Цзыму задумался, а затем улыбнулся. — Вместо того чтобы просить у неба, я предпочитаю добиваться всего сам. Если чего-то хочу, то сам и стараюсь получить, разве не так?

— В этом есть логика, но иногда, понимая, что сам не можешь что-то сделать, хочется попросить у неба, просто чтобы иметь хоть какую-то надежду.

Вэй Янь подвел Чэнь Цзыму к маленькому столику, где за столом сидел молодой военный врач, помогавший солдатам писать желания на фонариках. Рядом выстроилась очередь из солдат, держащих фонарики. Они не стали мешать, а остановились в нескольких шагах, слушая.

— Желая, чтобы родители, жена и дети были здоровы и ждали моего возвращения домой, — сказал пожилой командир.

Это был командир пехотного батальона, который служил даже дольше, чем Вэй Янь. Большую часть жизни он провел в лагере, заработав множество старых ран и немного славы. В мирное время он мог навещать семью только раз в год, и после долгой дороги дома он проводил всего несколько дней.

Если бы не началась война, он планировал уйти в отставку в этом году и уже подал заявление в правительство. Но внезапно начавшиеся боевые действия нарушили его планы.

Согласно военным правилам Жаньин, во время войны нельзя покинуть армию, кроме как по ранению. Теперь он мог только через этот маленький фонарик передать свои чувства.

Следующим был молодой солдат с детским лицом. Он поднял голову, сдерживая слезы, и сказал врачу:

— Старший брат погиб, я был бессилен, даже не смог собрать все его останки. Надеюсь, он не сердится на меня. В следующей жизни... в следующей жизни мы снова будем братьями, и я буду защищать его.

Его старший брат погиб в первом сражении. Он обыскал все поле боя, но так и не нашел отрубленную руку брата.

— Надеюсь, война скоро закончится, я хочу вернуться домой и жениться.

— Надеюсь, все будут здоровы, и в следующем году мы снова встретимся.

— Надеюсь, в следующем году будет хорошая погода, чтобы у моего отца был хороший урожай.

...

Чэнь Цзыму слушал эти маленькие и большие желания, и в его сердце поднялась горечь.

Эти солдаты, проливающие кровь на поле боя, отдавшие свое время и силы ради Жаньин, многие из них не были образованными, даже не умели писать свои имена, но в их сердцах было величие.

Голос Вэй Яня раздался рядом:

— Просить у неба — это не значит ничего не делать. Просто есть вещи, которые, как бы ты ни

старался, все равно оставят сожаление. Поэтому, даже зная, что это бесполезно, люди зажигают фонарик, чтобы сохранить последнюю надежду.

— Ты прав. — Чэнь Цзыму снова посмотрел на ночное небо, на фонарики, несущие множество надежд. — В мире так много вещей, которые невозможно изменить в одиночку.

Через некоторое время он обернулся:

— Пойдем тоже напишем фонарик.

— Хорошо.

Раздавал фонарики солдатам как раз Ли Ту. Вэй Янь подошел, взял фонарик и, подумав, сказал Чэнь Цзыму:

— Здесь нет лишних чернил, давай вернемся в палатку и напишем.

Чэнь Цзыму, естественно, не возражал.

Вернувшись в палатку, Вэй Янь не стал сразу писать на фонарике, а взял принесенный солдатом чайник, налил горячей воды и подал Чэнь Цзыму:

— Ты долго продулся на холоде, выпей горячей воды, чтобы согреться.

Такая забота Вэй Яня всегда трогала Чэнь Цзыму. Он взял чашку, и тепло от нее разлилось по всему телу, согревая сердце.

<http://bllate.org/book/17724/1656775>